

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	6
Раздел I. История, традиции, предшественники	
Глава 1. Политический розыск в России	
XVI – первой четверти XIX в.	12
Глава 2. Третье отделение	43
Глава 3. От Третьего отделения к Департаменту полиции	69
Раздел II. Структура, методы, союзники	
Глава 4. Охранка собирает информацию	89
Глава 5. Заграничная агентура	119
Глава 6. Добровольные помощники	144
Раздел III. Двойные агенты и диссиденты	
Глава 7. Суперагент Азеф	172
Глава 8. Диссиденты в рядах охранки	198
Глава 9. Богров и убийство Столыпина	218
Раздел IV. В поисках еврейского заговора	
Глава 10. Протоколы, масоны, либералы	246
Глава 11. Полиция и погромы	270
Глава 12. Дело Бейлиса, или «Полицейская Цусима»	295
Раздел V. Закат Департамента полиции	
Глава 13. Борьба за охранку	325
Глава 14. «Темные силы» вокруг трона	340
Глава 15. Эпилог охранки	364
Заключение	370
Краткий библиографический список	376

ВВЕДЕНИЕ

Фонтанка, 16 — этот адрес был известен каждому петербуржцу. Здесь, на углу набережной Фонтанки и Пантелеймоновской улицы, рядом с Цепным мостом находилось здание, которое на протяжении почти 80 лет занимала русская тайная полиция. С 1838 г., когда на Фонтанке расположилось Третье отделение Собственной его императорского величества канцелярии, о доме у Цепного моста стали складывать легенды. Говорили о страшных подземельях, где содержатся несчастные узники. Рассказывали, что стоило приглашенному сесть в кресло, как оно поворачивалось, пол раздвигался, и несчастный оказывался глубоко внизу в руках жандармов.

Вежливые приглашения на Фонтанку вызывали страх. О доме у Цепного моста ходили следующие вирши:

Глупое созданье,
Рассуждаешь спроста,
Позабыл, брат, здание
У Цепного моста.
Влепят в назидание
Как ударов до ста.
Будешь помнить здание
У Цепного моста.

В 1880 г. после ликвидации Третьего отделения в это здание въехал Департамент полиции, превратившийся в главный штаб борьбы с революцией. Внутри этого дома висели портреты всех начальников Третьего отделения и министров внутренних дел. Один из них — В.К. Плеве — наглухо затворился на Фонтанке, выезжая только раз в неделю на доклад к царю. Его настигла бомба террориста, как только он покинул свое убежище. За надежными стенами дома у Цепного моста скрылся П.А. Столыпин сразу же после кровавого покушения, во время которого пострадала его семья. Дочь Столыпина, не надеясь на охрану, распорядилась перенести кабинет отца на второй этаж — подальше от фанатиков-террористов. Незадолго до этого Боевая организация партии эсеров планировала ворваться в здание на Фонтанке, обложившись динамитом, и взорвать ненавистный Департамент полиции. А воз-

главить отряд смертников должен был человек, аккуратно посылавший агентурные донесения Департаменту полиции.

«Тайная полиция в России: от Ивана Грозного до Николая Второго» — это книга о русской политической полиции. Не претендуя на охват всей многообразной деятельности Департамента полиции, авторы сосредоточились на исследовании проблем политического розыска.

Со времени образования в XVI в. Московского централизованного государства и до крушения самодержавия в 1917 г. тайные рычаги политического сыска всегда служили одним из непременных орудий власти в России. Мало того, эта система настолько укоренилась, что после Первой мировой войны продолжила свое существование в виде различных органов государственной безопасности Союза Советских Социалистических Республик и других государств, возникших под его эгидой после Второй мировой войны.

Начиная с опричнины Ивана IV и кончая охранкой Николая II, правители России придавали политическому сыску и своим секретным службам форму государственного института. Авторы книги рассматривают последовательное развитие системы и показывают, что охранка, служившая двум последним царям, была прямой наследницей всех своих предшественников.

За три с лишним столетия, о которых здесь идет речь, в политическом розыске отчетливо выделяются несколько этапов. Первый этап относится к тому времени, когда Московия укрепляла централизованную власть, а затем, уже в XVIII в., испытала мощное влияние Запада, особенно в царствование Петра Великого и Екатерины Великой. Таким образом, с самого начала политический сыск в России служил одним из столпов царской власти, а потому роль его не ослабла под воздействием западного влияния и после Петра. Несмотря на периодические, но недолговечные реформы полицейской системы, она разрасталась и охватывала все новые сферы жизни.

Второй этап в истории политического сыска приходится на годы существования Третьего отделения Собственной его императорского величества канцелярии — органа политической полиции, созданного в 1826 г. Николаем I. Третье отделение было призвано подавлять в стране дух свобододолюбия, который годом ранее проявился в потерпевшем неудачу восстании декабристов. Причем тайная полиция настолько преуспела в своей борьбе со свободомыслием, что Россию миновала волна революций, потрясших крупнейшие страны Западной Европы в начале 1830-х и в 1848 г. Однако Треть-

ему отделению оказалось не под силу справиться с тщательно законспирированными, готовыми идти на смерть революционерами, которые обратились к террору, после того как в 1860–1870-х годах Александр II провел широкие либеральные реформы: отменил крепостное право, реформировал местную власть, суды и цензуру.

В 1881 г. террористы убили Александра II, и консерваторы в правящих сферах утвердились во мнении, что либерализация неизбежно ведет к революционным волнениям. В это время проводилась реорганизация полиции, имевшая целью, в частности, наладить слежку за подпольщиками с помощью секретных агентов новой «породы». И вот тут начинается третий этап в истории политического сыска: специально для руководства работой этих агентов при Департаменте полиции создаются охранные отделения, или, как их прозвали впоследствии, охранка. В результате сложилась система политического сыска, в ту пору не знавшая себе равных по размаху агентурной сети.

Под охранкой (иногда охраной) было принято подразумевать всю политическую полицию. Возможно, это произошло потому, что слово «охранка» лучше всего характеризовало главную задачу тайной полиции — охранять, защищать государственный строй. Авторы сочли целесообразным употреблять слово «охранка» в традиционном смысле — как синоним тайной полиции, хотя, строго говоря, охранные отделения являлись лишь одним из подразделений политического розыска.

Четвертый, и последний, этап в истории политического сыска в России относится к периоду еще одного поворота к либерализму — попыток ослабить гнет самодержавия путем реформ после революции 1905 г. К тому времени высшие полицейские чины даже в либералах видели предвестников революции — даром что те были объединены в легальные организации и участвовали в работе нового органа законодательной власти. А потому свои основные усилия по борьбе с революционной деятельностью охранка направила на то, чтобы не допустить, как случилось в 1905 г., союза либералов, радикалов и рабочих. Прием она использовала прежний, тот самый, что позволил ей одолеть террористов, — услуги секретных агентов, множества агентов, но оказалась бессильна. В 1917 г. были сметены и охранка, и само самодержавие.

Среди многочисленных методов работы политического розыска в России на первом месте стоит использование сети секретных агентов, которые выявляли врагов государственно-го строя. В свою очередь, политической полиции, следовав-

шей этой методике, были присущи такие характерные черты, как нежелание подчиняться строгим ограничениям, будь то административные или судебные, постепенный переход на услуги внештатных агентов, которые не состояли в прямом подчинении у полицейских чинов; готовность вербовать осведомителей среди представителей любых социальных групп и использовать для этой цели секретные денежные фонды; оправдание и использование лжи и провокаций, например с целью выявления скрытых врагов или компрометирования оппозиции.

В деятельности охраны, которой посвящено данное исследование, эти четыре тенденции проявились особенно ярко. Если говорить лишь о видимой стороне ее структуры и работы, картина будет неполной, отчасти потому, что охранка вела свои дела втайне, а отчасти потому, что она не имела строгой внутренней организации. Так что в книге речь пойдет о том, как работали и вели себя офицеры и агенты охраны, выполняя стоявшие перед ними задачи.

Авторы выделили узловые проблемы и сочли целесообразным сгруппировать главы в пять разделов, посвященных истории политического сыска, его структуре и методам, двойным агентам и диссидентам, полиции и мифу о еврейском заговоре, наконец, последнему периоду существования Департамента полиции.

Материалом для книги послужили как архивные документы, так и публикации. Основное собрание документов по охране — фонды Департамента полиции, Московского охранного отделения, Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, личные фонды — находится в Москве, в Государственном архиве Российской Федерации. Документы пограничной агентуре охраны сосредоточены в Гуверовском институте в Стэнфорде (США, штат Калифорния). Кроме того, один из авторов работал в архивах Киева и Петербурга, другой — в Нью-Йоркской публичной библиотеке и в Йельском университете.

О политическом сыске в России опубликована обширная литература: воспоминания, документы, научные труды. Для всякого исследователя этой системы, несомненно, большую ценность представляют книги бывших руководителей охраны. Выделим среди них основные: работы Меньшикова, Спиридовича, Герасимова, Заварзина, Новицкого, Васильева. Интересные книги и документы опубликовали сотрудник Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства С.Г. Сватиков, а также литературовед и историк П.Е. Щеголев.

Богатым источником информации являются журнал В.Л. Бурцева «Былое» и семь томов издания «Падение царского режима», куда вошли записи допросов бывших полицейских чинов следователями Временного правительства.

Деятельность Департамента полиции всегда интересовала современников, но до 1917 г. она была скрыта под завесой тайны, лишь иногда приподнимавшейся благодаря охранникам, перешедшим на сторону оппозиции. Когда архивы оказались открытыми, первыми исследователями стали члены революционных организаций, долгие годы борющиеся с охранкой. Получив возможность взглянуть на своего противника изнутри, они познакомили широкую публику с работой тайной полиции. Ряд брошюр и статей опубликовали в 1917–1918 гг. сотрудники Комиссии по разработке архивов В.Б. Жилинский, В.Я. Ирецкий, М.А. Осоргин, С.Б. Членов.

Историография 20-х годов была продолжена исследованиями о деятельности провинциальных охранных отделений, «черных кабинетов», отдельных секретных сотрудников. Тогда же Борис Николаевский, находясь в эмиграции, приступил к подготовке книги об Азефе. В 30–60-е годы изучение охранки оказалось под негласным запретом, исключением являлась только история «зубатовщины». В 70–80-х годах были защищены диссертации А.Н. Ярмышем, Л.И. Тютюник, З.И. Перегудовой, Ю.Ф. Овченко. Эти исследования предназначались для специалистов, и в них, особенно в диссертации З.И. Перегудовой, детально разработаны конкретные аспекты деятельности Департамента полиции. Конец 80-х — начало 90-х годов ознаменовались всплеском интереса к данной теме. Публикуются воспоминания жандармов, переиздаются работы 20-х годов, печатаются произведения в жанре исторической беллетристики. Однако до сих пор русский читатель не имеет в своем распоряжении обобщающей книги по истории политического розыска в России.

Что касается зарубежной литературы, то ни одна из работ не исчерпывает предмета исследования, однако есть две серьезные книги англоязычных авторов о Третьем отделении времен Николая I. Первая написана Сиднеем Мономасом и называется «Третье отделение: Полиция и общество при Николае I»; она издана в 1961 г. Монос сосредоточил внимание на вмешательстве Третьего отделения в жизнь и творчество русских писателей. Вторая книга, под названием «Третье отделение: организация и приемы политической полиции в России при Николае I», принадлежит Питеру С. Сквайру и вышла в свет в Лондоне в 1968 г.; в ней рассматриваются организаци-

онная структура и тактические приемы Третьего отделения. Диссертация Фредерика С. Закермана посвящена в основном деятельности заграничного отдела охраны, и автор подробно исследует оперативную работу этого отдела. Диссертация защищена в Колумбийском университете в 1973 г. и озаглавлена «Российская политическая полиция на родине и за рубежом; ее структура, функции, методы и борьба с организованной оппозицией». Изданы также многочисленные статьи (большая их часть упомянута в примечаниях и библиографии), которые затрагивают различные аспекты истории политического сыска в России и смежные проблемы.

Несколько слов об авторах. Эта книга — плод пока еще редкого сотрудничества американского и российского историков. Авторы принадлежат к разным научным школам, имеют разный жизненный опыт. Это будет заметно при чтении книги. Тем не менее в ходе совместной работы авторы пришли к общему выводу о том, что история охраны изобилует множеством мифов, некоторые из которых они по мере сил постарались опровергнуть. Поскольку один из авторов живет в Москве, а другой — в Лондоне (Канада), они обговорили темы и написали примерно по половине книги. Так, Степанов написал первую, шестую, седьмую, девятую, одиннадцатую, двенадцатую и четырнадцатую главы; Рууд — третью, четвертую, пятую, восьмую, десятую, тринадцатую. Вторая глава, введение, эпилог (пятнадцатая глава) и заключение были написаны совместно. Разумеется, авторы делились всем имеющимся у них материалом и помогали друг другу в работе.

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ, ТРАДИЦИИ, ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Департамент полиции имел длинный ряд предшественников, которые заложили основы и традиции политического розыска в России. Жестокую эпоху «слова и дела» сменил период «просвещенного абсолютизма», были запрещены пытки и варварские наказания, органы политического розыска несколько раз меняли название: Приказ тайных дел, Преображенский приказ, Тайная канцелярия, Тайная экспедиция. Однако оставались неизменными задачи этих органов, призванных под покровом глубокой тайны обнаруживать и расправляться с врагами царя и государства.

Третье отделение Собственной е.и.в. канцелярии по замыслу его создателей должно было стать «высшей полицией», не имеющей ничего общего с застенками Московского царства. На самом деле в деятельности Третьего отделения, наложившего особый отпечаток на историю XIX в., наблюдалась несомненная преемственная связь с XVII и XVIII вв. Третье отделение прошло длинный путь от апогея могущества до полной несостоятельности, уступив место Департаменту полиции. Несмотря на банкротство, оно оставило своему преемнику ценное наследство: жандармский корпус, архивы и здание на Фонтанке, 16. Таким образом, Департамент полиции начал свою деятельность, опираясь на опыт и знания, накопленные московскими дьяками и петербургскими чиновниками.

ГЛАВА 1. ПОЛИТИЧЕСКИЙ РОЗЫСК В РОССИИ XVI – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Политический розыск — это расследование дел, которые, называясь в разные времена «великими», «тайными», «государевыми», рассматривались как преступления против государства. При монархическом строе, когда государство персонифицируется в монархе, в эту категорию автоматически попадает любое посягательство на его безопасность и достоинство. Политический розыск возник одновременно с государством, однако прошло немало времени, прежде чем законодательство и судебная практика выделили его среди общей массы дел. В России это произошло, когда удельные княжества были объединены в единое царство.

Положив конец междоусобным войнам и анархии, централизованное государство покончило также с вольностями эпохи феодальной раздробленности. Резко расширились обязанности населения перед властями; многие из считавшихся прежде обычными поступков попали под строжайший запрет. Свободное перемещение, являвшееся ранее неотъемлемым правом и феодала (переход на службу к другому великому или удельному князю), и крестьянина (переезд к другому владельцу), теперь приравнивалось к измене. Самое невинное замечание о несправедливых порядках оказывалось тягчайшим преступлением. Москва, а потом Санкт-Петербург требовали от своих подданных безусловной лояльности в поступках, словах и даже пытались контролировать мысли. В соответствии с этим расширились функции политического розыска, который стал инструментом надзора, пресечения и наказания.

I

При Иване IV (1533–1584 гг.), первым из великих князей принявшем царский титул, преследование политических противников велось с особой жестокостью. Это даже снискало Ивану IV прозвище Грозный. Политический террор был связан с затянувшейся Ливонской войной. Часть знати не видела смысла в борьбе за неплодородные земли Балтийского побережья и предлагала продолжить завоевания на благодатных южных рубежах. Конфликт привел к тому, что в конце 1564 г. Иван Грозный неожиданно покинул Москву и обосновался в Александровской слободе.

Отсюда Иван Грозный послал две грамоты — Боярской думе и горожанам. Царь извещал бояр о своем решении отказаться от престола из-за их измены, а горожанам сообщал, «чтобы они себе никакого сомнения не держали, гневу на них и опалы некоторые нет». Нетрудно было предугадать исход такого маневра. Возбужденные толпы горожан заставили бояр вступить в переговоры с царем.

Иван Грозный согласился принять власть с условием, что кроме («опричь») обычных владений ему будет выделена особая часть — «опричина», где он установит порядки по своему разумению.

В опричнину вошел ряд уездов и городов, из которых началось изгнание прежних землевладельцев. В их вотчинах и поместьях селились опричники, подобранные по принципу личной преданности царю. Замыслы Ивана Грозного во многом остаются тайной. В исторической литературе опричина предстает то в виде хорошо продуманного и поэтапно осуще-

ствленного плана ликвидации пережитков феодальной раздробленности, то в виде длинной цепи бесцельных и нелепых злодейств, приведших к разорению страны и возрождению порядков удельной эпохи. При всем различии мнений исследователи сходятся в том, что для достижения своих, не вполне выясненных целей Иван Грозный создал опричное войско, занятое борьбой с внутренними врагами.

Опричники поражали современников необычным видом. Они приторачивали к седлам коней собачьи головы и метлы в знак того, что, как псы, вынюхивают измену и метлой выметают ее из царства. Два опричника-иностранца И. Таубе и Э. Крузе сравнивали опричное войско Ивана Грозного с монашеским орденом: «Сам он был игуменом, князь Афанасий Вяземский — келарем, Малюта Скуратов — пономарем; и они вместе с другими распределяли службы монастырской жизни. В колокол звонил он сам вместе с обоими сыновьями и пономарем. Рано утром, в 4 часа, должны все братья быть в церкви; все неявившиеся, за исключением тех, кто не явился вследствие телесной слабости, не щадятся — все равно, высокого ли они или низкого состояния, — и приговариваются к 8 дням епитимий». Но под монашескими одеяниями опричники носили кинжалы, а монастырский режим часто сменялся буйными оргиями. Пир в Александровской слободе нередко заканчивались убийством знатных бояр.

По словам английского торгового агента и дипломата Джерома Горсея, «эта жестокость породила столь сильную всеобщую ненависть, подавленность, страх и недовольство во всем его (Ивана IV. — *Авт.*) государстве, что возникало много попыток и замыслов сокрушить этого тирана, но ему удавалось раскрыть их заговоры и измены при помощи отъявленных негодяев, которых он жаловал и всячески поощрял, противопоставляя главной знати». Иван Грозный чувствовал себя в состоянии войны со всеми подданными. Были подготовлены корабли на случай бегства царя из России, а с королевой Елизаветой I велись переговоры о предоставлении царю убежища в Англии. Мнительный царь видел заговорщиков повсюду, но особенно среди ближних бояр.

В качестве руководителей политического сыска в опричнине можно назвать Г.Л. Скуратова-Бельского (Малюту) и В.Г. Грязного. Малюта Скуратов происходил из провинциального дворянства, а его помощник Василий Грязной начал службу у одного из знатных людей «мало что не в охотниках с собаками». Но при опричном дворе оба выдвинулись в число первых людей.

Главным средством политического сыска были доносы. Современник опричных событий немец А. Шлихтинг с удивлением отмечал: «Именно москвитам врождено какое-то зложелательство, в силу которого у них вошло в обычаи взаимно обвинять и клеветать друг на друга перед тираном и пылать ненавистью один к другому, так что они убивают себя взаимной клеветой».

Доносы совершенно не проверялись, тем более что опричники сами прибегали к заведомо ложным обвинениям. Так, Малюта Скуратов и Василий Грязной заявили прибывшему в Александровскую слободу двоюродному брату царя Владимиру Старицкому, что его повар сознался в намерении подсыпать яд Ивану Грозному по приказу князя. Владимира Старицкого заставили выпить чашу с отравленным вином. Главу Русской православной церкви митрополита Филиппа, который заступался за невинно осужденных, обвинили в различных пороках, причем свидетелем обвинения выступал бывший ученик митрополита, которому за ложные показания обещали епископский сан. Митрополит был заточен в один из монастырей. Через некоторое время туда прибыл Малюта Скуратов и, выйдя из кельи митрополита, сообщил потрясенным монахам, что Филипп внезапно задохнулся от спертого воздуха. Убийства удельного князя и митрополита сопровождалось казнями нескольких сотен представителей знати, каждый из которых в свою очередь сознавался в «измене» и называл имена «сообщников».

Под подозрение попадали целые семьи, роды и, наконец, целые города. Наиболее ярким примером был разгром Новгорода зимой 1570 г. Новгородская летопись утверждает, что некий бродяга Петр подделал грамоту о желании жителей города перейти в подданство к польскому королю. Бродяга спрятал эту грамоту в Софийском соборе и донес о ней Ивану Грозному. Некоторые историки, ссылаясь на архивы, считают, что тайная дипломатия Речи Посполитой намеренно скомпрометировала новгородцев, направив им предложение перейти на польскую сторону. Должностные лица Новгорода поспешили сообщить об этом царю, но лишь разбудили давнее недоверие Ивана Грозного к некогда независимой городской республике.

Так или иначе, но опричное ведомство попало на чужую удочку. Вместо того чтобы вести войну, опричники в течение трех недель занимались розыском в Новгороде. Замученных горожан волокли из опричного лагеря к реке и спускали под лед. Очевидцы утверждали, что в Новгороде погибло до 60 тыс. человек. В русской историографии назывались раз-

личные цифры — от 2–3 тыс. до 10–15 тыс. человек. Во всяком случае, разгром Новгорода был достойным предшественником Варфоломеевской ночи.

Скоро опричники на собственном опыте убедились, как трудно оправдаться от ложных доносов. «Келарь» А.И. Вяземский пользовался таким доверием Ивана Грозного, что царь, опасаясь отравы, только из его рук соглашался принимать лечебные снадобья. Но опричник Г.Д. Ловчиков донес, что Вяземский предупредил новгородцев об опричном походе. Царь тут же распорядился забить палками своего соратника. Такое же подозрение пало на голову одного из инициаторов опричнины, А.Д. Басманова. Его сын Федор, чтобы доказать свою верность, на глазах у царя зарезал отца, но все равно был сослан и погиб. Руководителя опричной думы князя М.Л. Черкасского тайно убили по приказу царя. Василий Грязной попал в опалу. Один лишь Малюта Скуратов, погибший на войне, навсегда остался верным слугой в глазах Ивана Грозного.

В 1572 г. опричнина была упразднена так же неожиданно, как и введена. Под страхом сурового наказания запрещалось употребление самого слова «опричнина». Через три года Иван Грозный вновь реставрировал опричные порядки, но вскоре отказался от них. Опричнина в целом была довольно коротким эпизодом в истории страны, однако печальная память о ней сохранилась надолго. При преемниках Ивана Грозного не существовало ничего похожего на опричное устройство. Для рассмотрения важных дел создавались временные комиссии во главе с боярами. Например, комиссия князя (будущего царя) Василия Шуйского, которая расследовала гибель младшего сына Ивана Грозного, царевича Дмитрия, 15 мая 1591 г. На основе свидетельских показаний комиссия пришла к выводу, что царевич погиб в результате несчастного случая.

Этот вывод вызвал горячие споры и среди современников, и среди потомков. Подозрение пало на самого влиятельного члена Боярской думы — Бориса Годунова. Он был зятем Малюты Скуратова и сделал карьеру еще при опричном дворе. В царствование болезненного и недалекого Федора Иоанновича (1584–1598 гг.) он был подлинным правителем государства. Поскольку у царя Федора Иоанновича не было сыновей, между Борисом Годуновым и тронном стоял только царевич Дмитрий. И действительно, после кончины Федора Иоанновича старая династия прервалась, и царем стал Борис Годунов (1598–1605 гг.).

Но Годунову и его ставленникам не удалось прекратить слухи о таинственном деле в Угличе. В конце своего царство-

вания ему пришлось столкнуться с самозванцем, объявившим себя чудесно спасшимся Дмитрием. После смерти Годунова в 1605 г. Лжедмитрий I вступил в Москву. Князь Василий Шуйский объявил, что он дважды покривил душой во время следствия: покрыл убийц, подосланных Годуновым, и утаил, что они убили подставного мальчика, а не царевича. Впрочем, через 11 месяцев Василий Шуйский организовал заговор против Лжедмитрия I и сам вступил на престол. Теперь он объявил, что Лжедмитрий был беглым монахом Гришкой Отрепьевым; что же касается настоящего царевича, то он был убит посланцами Годунова. В царствование Василия Шуйского (1606–1610 гг.) отрок Дмитрий был причислен к лику святых.

Неудачное следствие в Угличе часто вспоминали в Смутное время, когда один за другим появились несколько Лжедмитриев, на русские земли вступили иностранные войска, а в Московском Кремле засели польские наемники. После длительной борьбы народное ополчение изгнало поляков из столицы. Единство государства было восстановлено. Земский собор избрал на царство Михаила Романова (1613–1645 гг.).

II

Социально-политический кризис начала XVII в. привел к дальнейшему усилению абсолютистских тенденций. Хотя первый царь из династии Романовых был избран на престол Земским собором, именно при них произошло отмирание сословно-представительных учреждений. Постепенно перестали созываться Земские соборы, а к концу XVII в. прекращает свою деятельность Боярская дума.

Важнейшим атрибутом неограниченной монархической власти стал политический розыск. Если в XVI в. существовали лишь зачаточные формы розыска, то в XVII в. окончательно складывается его практика и возникают постоянные органы.

Земский собор 1649 г. принял Уложение, в котором государственные преступления впервые отделялись от уголовных. Круг этих преступлений был очерчен второй главой Уложения. Наиболее серьезными преступлениями считались покушение на жизнь царя и заговор с целью «Московским государством завладеть и государем быть». Как государственные преступники карались те, кто «недругу город сдаст изменою» или «в города примет из иных государств зарубежных людей для измены же». За массовые выступления против власти, так называемый «скоп и заговор», безоговорочно назначалась смертная казнь. Соборное уложение вводило принцип индивидуальной ответственности, что являлось шагом вперед по

сравнению с временами Ивана Грозного. С другой стороны, Уложение унаследовало нормы средневекового права, в частности не проводило разницы между умыслом и деянием.

Оскорбление царя или угрозы в его адрес стояли в ряду тягчайших преступлений. Это было особенно важно для Московского государства после Смутного времени, когда царский титул присваивали самозванцы. К тому же недавние бояре Романовы ревниво относились к новообретенному царскому престижу. Поэтому государственные преступления обозначались термином «слово и дело», что по своему первоначальному смыслу означало дело о словесном оскорблении царя.

Первые документы с употреблением этой печально знаменитой фразы датированы еще 1622 г. и касаются угрозы перерезать горло царю, опрометчиво вырвавшейся у одного казака. Вскоре «слово и дело» приобрело более широкое значение. По понятиям той эпохи все дела, касавшиеся государственных интересов, были «государевыми делами». Уложение 1649 г. предусматривало строгое наказание для тех, кто заявлял «слово и дело» без должных оснований. Вместе с тем не давалось точного определения этого термина.

«Слово и дело» печально известно тем, что с этого выражения начинался любой донос. Следует подчеркнуть огромное значение доносов для политического сыска. Ни законодательство, ни практика той эпохи не знали иного способа, позволявшего получить сведения о государственных преступлениях. Именно поэтому доносы, если так можно выразиться, культивировались государственной властью. Пожалуй, только в этой области Уложение 1649 г. не признавало сословных границ, подчеркивая, что доносы о важнейших государственных преступлениях можно принимать даже от крепостных крестьян и холопов. Ни в каких других случаях доносы от феодално-зависимого населения не принимались.

В политических делах наглядно прослеживалось стремление поставить государственные интересы выше родовых и семейных. Патриархальные порядки Московской Руси строились на безусловном подчинении детей родителям. Жалобы взрослых сыновей и дочерей на мать и отца не рассматривались, а самих челобитчиков отдавали во власть родителей. Однако Уложение 1649 г. делало исключение для доносов о государственных преступлениях. Причем Литовский статут, послуживший образцом для русского Уложения, оговаривал, что доносить может совершеннолетний сын, тогда как составители Уложения пошли дальше, предписав обязанность доноса для детей обоюбого пола без ограничения возраста.

Разрешалось принимать доносы у «тюремных сидельцев». Но по уголовным делам заключенный мог подать извет, если находился в тюрьме не более полугода. По политическим делам такого ограничения не предусматривалось. Более того, разрешалось принимать доносы у приговоренных к смертной казни. Так, Фрол Разин, выведенный к месту казни вместе со своим братом Степаном Разиным, вождем крестьянской войны 1670–1671 гг., сказал за собой «слово и дело». Казнь была отложена, а на допросе Фрол «поведал о том, что его брат, Степан, запрятал в засмоленный кувшин воровские письма» и закопал его «на острове реки Дону на урочище, на Прорве, под вербою». Эту вербу безуспешно искали шесть лет, после чего Фрол был казнен.

Для подданных Московского государства, или, выражаясь языком того времени, «холопов великого государя», донос был гражданской обязанностью. Недонесение каралось самым строгим образом. В Уложении 1649 г. говорилось, что если кто-нибудь узнает о злом умысле против царя или бунте, «а государю и его государевым боярам и ближним людям и в городах воеводам и приказным людям про то не известит... и его за то казнить смертию без всякой пощады». Наряду с угрозами действовала система поощрения. Дворянин или служилый человек мог получить в награду поместье осужденного. Например, в 1663 г. некий Сенька Пушечников за удачный донос на соседа получил половину его имения. Соседа сослали, но Пушечников не успокоился и послал новый донос. Однако на сей раз обвиненному удалось доказать, что Сенька просто позарился на другую половину поместья.

Вместе с тем ремесло доносчика было опасным. Чтобы доказать правильность своего сообщения, он должен был пройти через тяжкие испытания. Недаром сложилась поговорка: «Доносчику — первый кнут». Для сохранения тайны следствия его тотчас же брали, заключали в тюрьму. Если участников дела требовали в столицу, то обвинителя и обвиняемых везли «в железзах», порой скованных одной цепью. Когда расследование заходило в тупик, пребывание под стражей растягивалось на длительный срок.

Чрезвычайно опасно было попасть в разряд ложных доносчиков («затейных изветчиков», по терминологии того времени). «Слово и дело» имело волшебную силу. Стоило прозвучать этим словам, как все замирало. Для многих людей крикнуть «слово и дело» было единственным способом привлечь внимание к своим бедам. Поэтому после взятия под стражу зачастую выяснялось, что «слово и дело» кричали «избывая по-

бои», «без памяти», «хмельным обычаем». В этом случае затейного извetchика нещадно пороли и освобождали из тюрьмы, что вообще-то считалось довольно счастливым исходом. Со всем другой оборот принимали события, когда доносчик настаивал на своем сообщении и называл чьи-то имена. Подозреваемых немедленно арестовывали. Как правило, задерживали и всех свидетелей. Между прочим, если донос подтверждался, свидетели превращались в обвиняемых, так как, зная о государственном преступлении, не сообщили о нем сами.

Всеобщий страх перед «словом и делом» объяснялся тем, что эта формула была очень растяжимой. Под нее можно было подвести любой поступок. В случае нездоровья особы царской крови какого-нибудь постороннего человека могли привлечь к ответственности за воровку, как это случилось с некой Дашкой Ломановой, которая обвинялась в том, что съела пепел в след государыни, чем якобы вызвала ее болезнь, а также смерть царевича Ивана.

Широкий простор для произвола открывался в делах о «государевой чести». Во всех торжественных случаях следовало упоминать о царе. Но при этом требовалась немалая сноровка, чтобы самые невинные замечания не были восприняты как «неистовые» или «непригожие» речи. Казалось бы, в чем мог провиниться стрелец Ивашка Хлоповский, который поднял чашу за своего сотника со словами: «Здоров бы был Микита Дмитриевич Воробьин да государь»? Тем не менее он был нещадно бит кнутом за то, что упомянул царя после сотника. Через два года нещадно били батогами и бросили в тюрьму стрельца Томилку Белого, неосторожно похваставшегося, что он взял лошадь и ехал на ней, словно великий князь.

Наказывали также за описку в царском титуле. Если же подьячий пропускал один из полусотни географических терминов в полном титуле, то задачей розыска было выяснить, не сделано ли это по наущению какого-нибудь иностранного монарха, претендующего на спорные земли. В 1645 г. специально расследовалось курьезное дело. Сын боярский Назар Глазов подал челобитную, в которой как раз под именем царя были вписаны матерные ругательства. Выяснилось, что он по неграмотности спугал челобитную с черновиком, на котором его младший брат пробовал перо. Подобные эпизоды неоднократно воспроизводились в исторической литературе.

Розыск начинался с того, что обвиняемому зачитывались показания доносчика. Если обвиняемый заявлял, что на него возвели напраслину, то его «брали к пытке». Этот обряд устрашения заключался в том, что обвиняемому показывали инст-

рументы палачей, раздевали его, клали руки в хомуты, а ноги в колодки. Иногда этот психологический прием срабатывал, и в «расспросных речах» появлялись признания. Но в глазах руководителей розыска более достоверными выглядели признания, вырванные под пыткой и записанные в «пыточных речах».

В Московском государстве пытки были менее изощренными, чем в средневековой Европе или на Востоке. Тем не менее российские застенки обогатили мировую практику двумя чисто национальными орудиями пытки: дыбой и кнутом. Дыба представляла собой сооружение из двух вертикально вкопанных столбов с перекладиной наверху. Палачи заводили руки жертвы за спину, связывали их длинной веревкой и тянули через перекладину. Связанные руки выходили из суставов, и человек повисал на дыбе. В таком положении ему наносили удары кнутом. Пыточный кнут предположительно подходил на увеличенную в размерах плеть. Судя по свидетельствам очевидцев, палачи настоящими виртуозами своего дела: «Они могут класть удар к удару ровно, как бы размеряя их циркулем или линейкой. Сила ударов такова, что каждый пробивает кожу, и кровь льется ручьем; кожа отставала кусками вместе с мясом». Бытовало убеждение, что опытный палач может одним ударом кнута убить человека. Если это справедливо, то на дыбе часто били вполсилы, так как обычная норма составляла 10–15 ударов.

Снятых с дыбы (чаще всего в бесчувственном состоянии) отдавали тюремным служителям с наказом тщательно оберегать их здоровье. Помимо дыбы и кнута в запасе у палачей были другие орудия.

Сохранился «Обряд како обвиненный пыгается» — наставление по ведению розыска. После дыбы и кнута рекомендовалось использовать следующее: «1-е, тиски, сделанные из желеса в трех полосах с винтами, в которые кладутся злодея персты сверху большие два из рук, а внизу ножные два; и свинчиваются от палача до тех пор, пока или повинится, или не можно будет больше жать перстов и винт не будет действовать. 2-е, наложа на голову веревку и просунув кляп и вертят так, что оной изумленным бывает; потом простригают на голове волосы до тела, и на то место льют холодную воду только что почти по капле, от чего также в изумление приходит». Кроме этого, палач «висячего на дыбе растянет и зажегши веник с огнем водит по спине, на что употребляется веников три или болше, смотря по обстоятельству пытаного».

Согласно неписаному обычаю, каждый, кто после трех пыток показал одно и то же, освобождался от дальнейших му-

чений. От тех, кто менял свои показания во время розыска, палачи не отступали до тех пор, пока их признания не совпадали с доносом вплоть до мельчайших подробностей. Требовалось, чтобы эти признания слово в слово повторялись на трех последних пытках. Если обвиняемый в чем-то сбивался, весь цикл мучений возобновлялся. Не существовало никаких ограничений по возрасту обвиняемых. Так, 80-летний настоятель монастыря Федорит был «пытан накрепко... и клещами ежен по спине и не единожды».

В XVII в. местные власти принимали активное участие в розыске. Вместе с тем за каждым политическим делом бдительно следили из столицы. Круг должностных лиц, допущенных к «государевым делам», был ограничен. Например, губные старосты из местных дворян имели широкие полномочия по борьбе с разбоем, но не смели касаться государственных преступлений. Только назначенные царем воеводы могли вести допросы по политическим делам. Выборные должностные лица привлекались лишь в исключительных случаях. Политический розыск считался одной из важнейших обязанностей воевод. Пренебрежение к этой обязанности не прощалось никому.

В 1630 г. псковского воеводу князя Д.М. Пожарского, героя освободительной борьбы против поляков и соперника Михаила Романова при избрании на царский трон, судили за то, что он отмахнулся от доносчика со «словом и делом». По ходу розыска воеводы сообщали в Москву о каждом своем шаге. Обычно воевода, приняв донос и распорядившись взять всех причастных под стражу, запрашивал столицу. Через некоторое время приходил указ, предписывавший, например, «пытать накрепко» всех подозреваемых. Результаты допросов — «расспросные» и «пыточные» речи — посылались в Москву, откуда направлялся следующий указ. Наконец, эта переписка завершалась присланным из Москвы приговором, который воевода приводил в исполнение.

Промежуточное положение между местными властями и центральными органами сыска занимали временные следственные комиссии. Впрочем, их можно считать полномочными представителями центральных органов, направленными непосредственно на место происшествия. Комиссии наподобие той, что была создана для расследования обстоятельств гибели царевича Дмитрия, вошли в практику при любой чрезвычайной ситуации.

Они создавались вплоть до XX в., а в XVII–XVIII вв. такие комиссии являлись частью карательных экспедиций против

народных выступлений. Так, окончательная ликвидация казачьего и крестьянского движения Степана Разина была возложена на князя Ю.А. Долгорукова. В его походной ставке близ Арзамаса вели розыск, выносили и приводили в исполнение приговоры. По описанию английского путешественника, «место сие являло зрелище ужасное и напоминало преддверие ада. Вокруг были возведены виселицы, а на каждой висело человек по 40, а то и по 50. В другом месте валялись в крови обезглавленные тела. Тут и там торчали колы с посаженными на них мятежниками, из которых немалое число было живо и на третий день, и еще слышны были их стоны. За три месяца по суду, после расспроса свидетелей, палачи предали смерти одиннадцать тысяч человек».

Следует отметить, что до конца XVII в. в Москве не существовало центрального органа, занимавшегося исключительно государственными преступлениями. Наиболее важные дела рассматривались Боярской думой. В большинстве случаев приговор выносился заочно, хотя иногда преступников допрашивали перед боярами. В исторической литературе отмечалось, что порой розыск велся со скоростью полевого суда. В 1674 г. в Москву доставили одного самозванца, и «указал великий государь вести его с товарищами на земский двор к боярам для расспросу и им пытать их всякими жестокими пытки, а что они, воры, станут сказывать, и их расспросные и пыточные речи указал государь прислать к себе, государю, с боярином Матвеевым, а им, боярам, ждать, покамест от великого государя указ будет; и бояре расспрашивали, пытали и с расспросными речами послали к великому государю боярина Артамона Сергеевича, а сами дожидались указа великого государя на земском дворе; и как приехал боярин Артамон Сергеевич, и бояре, по указу великого государя, велели того вора вершить, четвертовать на Красной площади».

Однако чаще всего занимались государственными преступлениями московские приказы. Приказная система начала складываться с XVI в., а в середине XVII в. насчитывалось до 80 приказов. Во главе этих учреждений стояли бояре или думные дворяне, назначаемые в соответствии с местническими порядками. Но все нити управления находились в руках дьяков из потомственных служащих или из способных выходцев из низших сословий. Каждый приказ наряду со своими основными функциями занимался множеством побочных дел, в число которых попадал и политический розыск. Так, Приказ Казанского дворца занимался розыском на подвластной ему территории Поволжья. Но если среди причастных к делу оказыва-

лись стрельцы, то розыск на той же территории вполне мог производить Стрелецкий приказ. Чаще всего имел дело с государственными преступлениями Разрядный приказ, ведавший назначением воевод.

В 1654 г. возник Приказ тайных дел. Современники подчеркивали, что этим учреждением руководил сам царь. Подьячих Приказа тайных дел приставляли к воеводам во время военных действий и вводили в состав русских посольств: «...и те подьячие над послы и воеводы подсматривают и царю, приехав, сказывают». В исторической литературе долгое время господствовало мнение, что Приказ тайных дел занимался в основном государственными преступлениями. Некоторые историки (В.Н. Татищев, А.Л. Шлецер) видели в нем подобие испанской инквизиции, другие (Н.И. Костомаров, И.Д. Беляев) считали его прообразом тайной полиции. Но уже Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский называли этот приказ личной царской канцелярией с элементами надзора над административными органами.

Специальное исследование И.Я. Гурлянда показало, что Приказ тайных дел был создан царем Алексеем Михайловичем перед военным походом и оставлен в Москве, чтобы разбирать челобитные на царское имя. Постепенно обязанности приказа расширились: управление царскими именами и промысленными заведениями, разведка рудных запасов, придворный обиход, «царская летняя потеха» (соколиная охота) и др. В качестве личной канцелярии царя Приказ тайных дел был одним из важнейших учреждений, а тайный дьяк был «дьяком в государевом имени», что, очевидно, означало право подписывать указы от имени царя. Однако дела о государственных преступлениях не занимали главного места в многообразной деятельности этого органа. Приказ тайных дел не был приспособлен для ведения следствия и «не имел своего застенка, этой непременно принадлежности розыска того времени, особенно по государственным преступлениям». После смерти царя Алексея Михайловича Приказ тайных дел был упразднен, но политический розыск остался неприкосновенным.

III

Правление Петра Великого (1682–1725 гг.) было эпохой реформ по западному образцу. Однако, изменив российские порядки почти во всех сферах жизни, Петр I не тронул приемов розыска, выработанных во времена его отца и деда. Великий преобразователь ограничился незначительными уточнениями законодательного характера.

Воинский устав 1716 г. и Морской устав 1720 г. ввели различные виды смертной казни в зависимости от тяжести преступления. Артикул 19-й Воинского устава назначил четвертование за измену или «покушение на жизнь монарха, а артикул 137-й предусматривал повешение за бунт против властей. Но все это лишь закрепило уже сложившуюся практику. Характерно, что Воинский устав предназначался не только для военнослужащих. В конце XVIII и даже в начале XIX в. при подготовке приговора произвольно выписывались артикулы, имевшие порой весьма отдаленное отношение к делу. Распространение запрещенных книг могли подвести под артикул о дезертирстве или сдаче неприятелю крепостных стен.

Воинский устав исправил отдельные упущения Земского собора 1649 г. В Уложении не было особой статьи об оскорблении монарха. Поэтому 20-й артикул Воинского устава уточнял: «Кто против его величества особы хулительными словами погрешит, его действо и намерение презирать и непристойным образом о том рассуждать будет, оный имеет живота лишен быть и отсечением головы казнен».

Оставив неприкосновенной практику «слова и дела», Петр I упорядочил применение этой грозной формулы. Указ от 25 января 1715 г. предписывал сообщать самому царю о важнейших делах, которые подразделялись на три пункта: 1) о замысле против царя или измене, 2) об измене, 3) о казнокрадстве. В январе 1718 г. царь уточнил, что будет принимать сообщения только по первым двум пунктам. Что же касается третьего пункта, то он по-прежнему оставался в ведении органов политического сыска. Но уже в декабре 1718 г. царский указ передал дела о казнокрадстве Юстиц-коллегии. Преемникам Петра Великого оставалось только подтверждать, что государственными преступлениями считаются дела «в первых двух пунктах».

Законодательство начала XVIII в. подразумевало под заговором и изменой также неуважение к монарху. Деятельность Петра Великого настолько расходилась со старомосковскими канонами, что широко распространились слухи о незаконном происхождении царя (настоящего наследника престола якобы подменили другим младенцем в Немецкой слободе). Недовольные толки вызвал и второй брак Петра, с «немкой», как тогда говорили, темного происхождения. Органы политического сыска жестоко преследовали распространителей подобных слухов и вообще тех, чье отношение к царю выглядело двусмысленным. Например, в 1720 г. певчий Савельев был замечен за тем, что махал тростью перед портретом царя. Донос-

чик сообщил о самом факте, не давая никакой оценки или объяснения. Сам Савельев оправдывался, что хотел лишь согнать мух с портрета. Тем не менее он был нещадно бит батогами.

Рационалистическое мировоззрение, укреплявшееся в эпоху преобразований, положило конец расследованию дел, связанных с суевериями и колдовством. Однако в царствование Петра I под подозрение бралось все необычное — не в страхе перед мистикой, а скорее из опасения, что под этим может скрываться антигосударственный заговор.

В 1719 г. в местечке Феминг в недавно занятой Лифляндии в доме супругов Андриса и Анны Ланге произошел следующий странный случай. Внутри пивного чана обнаружили непонятные, неизвестно кем начертанные литеры. Супруги Ланге, ничего не подозревавшие о происхождении литер, начали расспрашивать соседей. Вскоре слухи о странных литерах дошли до властей. Супруги были арестованы и отправлены в Петербург для выяснения, что же означают эти литеры. Однако выяснить ничего не удалось, так как муж и жена скончались в тюрьме после пыток.

Петр I и его преемники считали естественным и необходимым использование доносов. Еще в XVII в. власти требовали от священнослужителей содействия политическому розыску. В период Петровских реформ, когда Православная церковь окончательно стала частью государственного аппарата, обязанность нарушать тайну исповеди была закреплена законодательно. В «Духовном регламенте» 1721 г. говорилось, что если на исповеди кто-либо признается в намерении совершить измену или начать бунт, «то должен духовник не токмо его за прямо исповеданные грехи прощения и разрешения не сподоблять... но и донести вскоре о нем, где надлежит».

Указы Петра Великого неоднократно напоминали об обязательности доносов для всех верноподданных и грозили суровыми карами за невыполнение этого долга. Из сохранившихся дел о государственных преступлениях видно, что на одного основного виновного почти всегда приходилось несколько человек, наказанных за недонесение.

Установилась определенная такса за удачный донос. Крестьянин мог рассчитывать на освобождение от крепостной зависимости. В 1721 г. крепостной Аким Иванов подслушал, как его барин на упреки жены в беспробудном пьянстве оправдывался тем, что сам государь Петр Алексеевич любит прикладываться к чарке. Помещика за такие речи били батогами, а Акима Иванова вместе с семьей отпустили на волю. Доносчики могли вознаграждать имуществом осужденного, хотя это-

го нелегко было добиться при знаменитой московской волоките. В 1729 г. дьячок Василий Федоров, донесший на соседнего помещика, жаловался: «Дано мне, по прошению моему, до настоящего награждения, корову с телицею, да на прокорм их сена, да гусей и кур индийских по гнезду, и то через много прошения насилу получил в три года».

В большинстве случаев доносчики довольствовались деньгами. Обычно выдавалось от 5 до 30 руб., и только при раскрытии наиболее важных преступлений награда значительно возрастала. Так, в марте 1722 г. на воскресном базаре в Пензе отставной капитан В. Левин крикнул, что царь Петр — антихрист... Посадский человек Ф. Каменщиков донес об этом. В императорском указе от 22 апреля 1722 г. говорилось, что доносчику пожаловано 300 руб., право вести беспошлинную торговлю, а всем командирам и начальникам вменялось в обязанность охранять его от обид. Указ призывал всех верноподданных следовать «сему достойному примеру». Еще большая забота была проявлена по отношению к тобольскому подьячему Тишину. И неудивительно — ведь Тишин оговорил не безвестного капитана, а генерала князя И.А. Долгорукова, который после опалы был сослан в Березов. Донос привел на плаху нескольких опальных вельмож из рода Голицыных и Долгоруковых, а подьячего Тишина перевели из Сибири в Москву и наградили 600 руб., правда, в рассрочку. В официальной бумаге говорилось, что это сделано для пользы самого доносчика, «понеже он к пьянству и мотовству склонен».

В то же время власти сочли необходимым отказаться от приема анонимных писем. В Москве XVII в. такие письма подбрасывались в Кремль или в какую-либо из приказных изб. Нашедший письмо обязан был передать его по назначению. Излишне говорить, что за утайку письменного доноса наказывали, как за недонесение о государственном преступлении. Анонимный донос был очень неудобен, а потому власти каждый раз старались установить автора подметного письма. Глашатаи на площадях призывали авторов явиться для подтверждения своих сообщений. Но, несмотря на обещанное прощение и награды, авторы анонимных писем всегда уклонялись от явки. В 1715 г. принятие анонимных писем было запрещено. Согласно указу Петра Великого, нашедшему письмо надлежало сжечь его на месте в присутствии двух свидетелей.

В царствование Петра I продолжали принимать доносы от осужденных на смертную казнь, несмотря на то что они зачастую объявляли «слово и дело» в надежде продлить свои дни. Ярким примером может служить история Якова Королихина,

которого в июне 1723 г. вывели на казнь на Красную площадь. Он объявил за собой «слово и дело». Казнь отложили, но вскоре выяснилось, что Королихин ничего не знает. Когда его снова привели на казнь, он сказал, что «ежели его казнить отсечь голову, то он тое смерть принять готов, и ему сказано его императорского величества указ публичным листом по приговору, что его велено колесовать, и он, Королихин, сказал за собой его императорского величества слово и дело государственное в третьи...». Королихина колесовали только после третьего раза. Подобные случаи были очень распространены. Поэтому высочайший указ от 10 апреля 1730 г. предписал больше не верить доносам людей, приговоренных к смерти.

В новую столицу Санкт-Петербург, возведенную по европейским образцам, перебрался московский застеночник со всем его пыточным снаряжением. Как и раньше, палачи имели возможность проверить свое мастерство на любом человеке независимо от пола и возраста. В 1724 г. солдатку Анисю Давыдову, неодобрительно отозвавшуюся о коронационных торжествах, дважды поднимали на дыбу и давали по 25 ударов кнутом. Потом выяснилось, что она на пятом месяце беременности. Но это не предотвратило третьей пытки — на сей раз горящими венниками.

Данью новым веяниям стала врачебная помощь. При Петре Великом впервые были назначены два лекаря — Севалт и Волнерс, которые должны были готовить своих пациентов к следующим пыткам. Более существенные изменения коснулись органов политического розыска. Указы Петра Великого требуют принимать доносы и направлять арестованных в столицу, не занимаясь на местах самостоятельными расследованиями. Впрочем, страх перед «тайными государевыми делами» был настолько велик, что губернаторы и начальники военных гарнизонов предпочитали сваливать эту обязанность друг на друга. Например, в 1712 г. тобольский казак Г. Левшутин на зимовке в Нарыме хотел было принести донос на одного из колодников. Но перепуганный нарымский начальник уговорил его сообщить обо всем более высоким властям в Енисейске. Там тоже не нашлось подходящего случая, так что в итоге Г. Левшутину пришлось идти со своим «словом и делом» из Сибири в Москву.

Центральные учреждения, специально занимавшиеся государственными преступлениями, появились в эпоху Петра Великого. Это были Преображенский приказ и Тайная розыскных дел канцелярия. Административные реформы на рубеже XVII–XVIII вв. проводились методом проб и ошибок... Поэтому Преображенский приказ унаследовал особенности ста-

рой приказной системы. Он был создан в 1686 г. и получил свое название по подмосковному селу Преображенскому — резиденции вдовы и сына Алексея Михайловича.

Политический розыск попал в ведение Преображенского приказа с 1696 г. и поначалу занимал незначительное место в общем потоке дел. Например, из 605 дел, сохранившихся за 1696 г., только 5 касались «слова и дела». Но вскоре другие учреждения начали присылать политические дела в Преображенский приказ. Наконец, это было закреплено царским указом от 25 сентября 1702 г., который предписывал посылать в Преображенский приказ всех, кто сказал за собой «слово и дело».

Вместе с тем приказ сохранил свои прежние функции, так что наряду с политическим сыском его подьячие занимались обмундированием гвардии и поддержанием порядка на улицах Москвы.

Во главе Преображенского приказа стоял князь Федор Юрьевич Ромодановский. Он происходил из старинного рода, восходившего к легендарному Рюрику, и по своему воспитанию и возрасту принадлежал к консервативному боярству. Тем не менее Ф.Ю. Ромодановский одним из первых одобрил преобразовательную деятельность Петра. Во время заграничного путешествия царя князь Ф.Ю. Ромодановский остался наместником в Москве. Он представлял царскую особу, носил придуманный Петром титул князя-кесаря и именовался «величеством». Ромодановский был беспощадным руководителем политического сыска. Ему доводилось не только самолично допрашивать подозреваемых, но и принимать участие в публичных казнях. Во время массовой казни стрельцов Ромодановский собственноручно отсек головы четырем стрельцам. Даже Петр порой упрекал князя в излишней жестокости. Царь писал ему из-за границы: «Зверь! Долго ли тебе людей жечь? И сюды раненые от вас приехали». Несмотря на короткие размовки, Ромодановский был наиболее преданным сподвижником Петра и пользовался его полным доверием.

После смерти князя-кесаря в 1717 г. Преображенский приказ возглавил его сын Юрий, но Петр не мог полностью положиться на его умение и опыт. В конце 1717 г. было создано несколько розыскных канцелярий под руководством гвардейских офицеров — полковника князя П.М. Гагарина, майоров князя С.А. Салтыкова, М.Я. Волкова, И. Дмитриева-Мамонова, Г.Д. Юсупова, капитана Г.И. Кошелева.

Вскоре несколько временных канцелярий вошли в один постоянный орган — Тайную розыскных дел канцелярию.

Возникновение этого учреждения было связано со следствием над наследником престола царевичем Алексеем. Царь Петр давно испытывал беспокойство по поводу сына от первого брака. Царевич и его мать, Евдокия Лопухина, заточенная в суздальский монастырь, представляли потенциальную угрозу для новой семьи царя. Но главное — у Петра и его сподвижников не было уверенности, что Алексей продолжит отцовские преобразования. Наследника ждал монашеский клобук, но он бежал за границу. По приказу Петра царевича Алексея искали по всей Европе. Наконец, он был обнаружен на острове близ Неаполя, где его укрывало австрийское правительство.

Выманить «зверя», как выражалось окружение Петра, было поручено Петру Андреевичу Толстому. Жизненный путь этого представителя дворянского рода начался с крупной неудачи. Как родственник царевны Софьи и участник Стрелецкого бунта, приведшего ее к власти, он попал в немилость сразу же после падения регентши. Однако Толстой умилостивил царя тем, что откликнулся на одно из его начинаний. Нуждаясь в европейски образованных помощниках, Петр посылал дворянских недорослей на учебу за границу. По старым московским понятиям, жизнь среди «богопротивных еретиков» считалась незаслуженным наказанием, которого старались избежать под любым предлогом. Пятидесятидвухлетний Толстой добровольно изъявил желание изучать мореходство и провел два года в Италии. Впрочем, применить свои мореходные познания на деле ему не пришлось.

Нехватка владевших иностранными языками людей заставила Петра переместить Толстого на дипломатическое поприще. Его направили на важный и опасный пост русского посла в Стамбуле. Толстому пришлось познакомиться с местными обычаями. Когда Турция вступила в войну с Россией, его на три года бросили в темницу Семибашенного замка. Стойкость и способности Толстого обеспечили ему расположение царя, которое тот выражал в своеобразной форме. Как-то на пиру Петр поцеловал его в голову и добавил: «Голова, голова, кабы ты не была так умна, я давно бы отрубить тебя велел».

Толстой уговорил царевича Алексея вернуться в Россию, заверяя, что гарантирует ему полное прощение. На родине от царевича поспешно добились отречения, а потом отдали в руки Тайной розыскных дел канцелярии.

Историк В.И. Веретенников полагал, что ядром канцелярии стал небольшой штат помощников Толстого, занимавшихся тем же, что и розыскные органы под руководством гвардейских офицеров. Обстоятельства сложились так, что

Толстой занялся наиболее важным политическим делом. «Тайная розыскных дел канцелярия, — писал В.И. Веретенников, — явилась в 1718 г., образовалась из канцелярии ведения Толстого, вероятно находившейся в довольно зачаточном состоянии, когда царевичев розыск, попавший в руки Толстого, превратил эту едва оформившуюся канцелярию в самую могучую из розыскных канцелярий “ведения”, сгруппировав в ней столь сильных своим положением ассессоров, каковы были Бутурлин, Ушаков, отчасти Г.Г. Скорняков-Писарев».

Дело царевича Алексея приняло широкий размах. Было привлечено несколько десятков человек, сочувствовавших царевичу. Несомненно, настроения, господствовавшие в окружении Алексея, отражали недовольство реформами Петра Великого со стороны широких слоев населения. Ростовский епископ Досифей, попавший под следствие, нашел мужество бросить в лицо церковным иерархам перед своим колесованием: «Только я один в сем деле попался... Посмотрите, и у всех что на сердцах? Извольте пустить уши в народ, что в народе говорят».

Однако Тайная канцелярия добилась очень шатких доказательств измены царевича Алексея. С 19 по 24 июня 1718 г. царевича шесть раз пытали в каземате Петропавловской крепости. Например, 19 июня его пытали дважды: с полудня до часа и с шести до девяти часов вечера. Но записанные Толстым показания имеют сослагательное наклонение. Царевич сознавался в том, что мог бы при благоприятных условиях принять помощь от австрийского императора: «И ежели бы до того дошло и цесарь бы начал то производить в дело, как мне обещал, и вооруженной рукой доставить меня короны Российской, то я бы и тогда, не жалея ничего, доступал наследства...». Недаром Вольтер, занявшись историей Петра Великого, выразил недоумение по поводу дела царевича Алексея: «Если подобному заявлению придавалась какая-нибудь цена, как могло оно считаться существенным доказательством в процессе? Как судить мысль, гипотезу, предположение случая, не имевшего места?».

Тем не менее доказательства, собранные Толстым и его подручными, были сочтены достаточными. Царевич Алексей был приговорен к смертной казни. Ночью он внезапно скончался, по официальной версии — от апоплексического удара, а по слухам — был отравлен, задушен подушкой или даже забит насмерть кнутом в присутствии отца и Толстого.

После завершения следствия канцелярию Толстого должны были упразднить. Но Тайную розыскных дел канцелярию ждала другая судьба. Ей сразу же дали несколько дополнитель-

ных поручений, касавшихся «слова и дела». Тайная канцелярия превратилась в постоянно действующий орган. Штаты канцелярии были небольшими. Ею заведовали четыре «министра», которых потом стали называть судьями, а иногда именовали инквизиторами. Формально все четверо были равны, хотя главную роль, бесспорно, играл Толстой. В числе других судей были Г.Г. Скорняков-Писарев, И.И. Бутурлин, А.И. Ушаков. Им помогали секретарь и шесть канцелярских служащих, а также достаточное количество заплечных дел мастеров. Подобно приказам допетровской эпохи, Тайная канцелярия одновременно выполняла функции следственного органа и судебной инстанции.

Параллельно с Тайной канцелярией продолжал свою деятельность Преображенский приказ. Оба учреждения были равноправны, а императорский указ от 28 апреля 1722 г. предписывал местным властям направлять дела о государственных преступлениях либо в Преображенский приказ, либо в Тайную розыскных дел канцелярию. В основном Преображенский приказ принимал дела из Москвы и дальних местностей, а Тайная канцелярия — из новой столицы, Петербурга, и ближайших к нему провинций. Преображенский приказ выполнял гораздо больший объем работы. Так, с 1719 по 1724 г. Преображенский приказ рассмотрел 1363 дела, а Тайная канцелярия — 280 дел.

После смерти Петра Великого Толстой поспешил избавиться от тяжелой обязанности начальника Тайной канцелярии. По указу императрицы Екатерины I (1725–1727 гг.) это учреждение со всеми нерассмотренными делами было передано в ведение главы Преображенского приказа князя Ю.Ф. Ромодановского. Но и сам Преображенский приказ просуществовал только до 1729 г.

Однако самодержавная монархия не могла обойтись без ведомства политического сыска. Упраздненное при малолетнем императоре Петре II (1727–1730 гг.), оно было восстановлено уже при императрице Анне Иоанновне (1730–1740 гг.). Указ от 6 апреля 1731 г. возродил Тайную канцелярию. Ее прежний руководитель Толстой не удержался на плаву среди бурных дворцовых событий. Будучи одним из главных виновников гибели царевича Алексея, Толстой пытался воспрепятствовать воцарению его сына Петра II. Поэтому окружение малолетнего императора распорядилось отправить Толстого в тюрьму Соловецкого монастыря. В камере, куда посадили 82-летнего старика, была такая сырость, что на нем истлела одежда. Там 30 января 1729 г. Толстой скончался.

Возрожденную Тайную канцелярию поручили Александру Ивановичу Ушакову. Он был типичным представителем петровской эпохи, человеком невысокого происхождения, прошедшим путь от солдата Преображенского полка до генерала и готовым взяться за любое поручение. Ушаков заведовал любимым детищем Петра Великого — корабельным строением. По приказу царя он занялся политическим сыском и был самым деятельным помощником Толстого.

Ушаков с необычайной ловкостью приспособился к последующим царствованиям. Как и Толстому, ему грозила опала при Петре II. Но в отличие от своего бывшего начальника Ушаков добился освобождения. Когда члены Верховного тайного совета в 1730 г. попытались ограничить самодержавную власть, Ушаков поставил свою подпись под прошением о восстановлении прерогатив монарха. Это обеспечило ему благосклонность императрицы Анны Иоанновны. После ее смерти в 1740 г. Ушаков сохранил свой пост при императоре-младенце Иоанне Антоновиче (1740–1741 гг.), когда регентом был герцог И. Бирон. И он же вел следствие над Бироном, когда его свергли фельдмаршал Б.К. Миних и вице-канцлер А.И. Остерман. А когда, в свою очередь, свергли Миниха и Остермана, то их опять-таки допрашивал Ушаков. При Иоанне Антоновиче начальник Тайной канцелярии вел дело группы лиц, отказавшихся присягать императору. А после свержения Иоанна Антоновича Елизаветой Петровной (1741–1761 гг.) Ушаков наблюдал за тем, чтобы из всех бумаг было вымарано имя императора-младенца. В глубокой старости Ушаков отошел от дел, уступив свой пост А.И. Шувалову, брату фаворита Елизаветы.

Русские цари и императоры не упускали из своих рук контроль над органами политического сыска. Все важнейшие дела докладывались царю Алексею Михайловичу, а его сын Петр Великий лично принимал участие в допросах. Было установлено, что по понедельникам с четырех часов дня Петр занимался розыскными делами в Тайной канцелярии. Анна Иоанновна писала развернутые резолюции на докладах Ушакова. Она расширила Тайную канцелярию, открыв московскую контору, которая по странному совпадению размещалась на Лубянке. Начальником московской конторы был назначен родственник императрицы С. Салтыков. Он рьяно принялся за дело. За первые четыре года московская контора рассмотрела 1055 дел и арестовала 4046 человек. Императрица Елизавета Петровна, несмотря на свою склонность к лени, постоянно выслушивала доклады Ушакова и Шувалова.

За полтора века через органы политического сыска прошли тысячи людей. Тайная канцелярия с подозрением отно-

силась ко всему необычному. Руководители политического сыска при Петре I и его преемниках добились того, что их ведомство было окружено завесой тайны и страха. Слова, сказанные полупешотом в келье глухого монастыря или в избе на сибирском тракте, могли долететь до Москвы или Петербурга. Часто человеку приходилось держать ответ за неосторожное замечание, брошенное много лет назад. Были доносчики, намеренно вызывавшие собеседника на откровенный разговор, а потом сообщавшие о нем в Тайную канцелярию. Из этой сети не могла ускользнуть никакая мелочь.

Но все это еще не свидетельствует об эффективности политического сыска XVIII в. Поток мелких дел нередко заслонял от органов сыска действительно важные сообщения. Например, в 1707 г., в сентябре, в Преображенский приказ явился иеромонах Никанор и передал предупреждение генерального судьи В.Л. Кочубея об изменнических замыслах украинского гетмана И.С. Мазепы. Преображенский приказ сначала отмахнулся от иеромонаха, отправив его в Монастырский приказ. Но Никанор вернулся обратно к Ф.М. Ромодановскому. Тогда его допросили, заковали в цепи и отправили в ссылку. Кочубей был выдан гетману Мазепе. В июле 1708 г. ему отрубили голову, а в октябре того же года Мазепа выполнил свой долго вынашиваемый план, перейдя на сторону шведского короля Карла XII.

В эпоху дворцовых переворотов органы политического сыска были вовлечены в придворные интриги. Особенно запомнилось современникам дело А.П. Волынского. Всего год занимал он пост кабинет-министра императрицы Анны Иоанновны, но за это время успел нажить ярых врагов среди немецкой партии, верховодившей при дворе. По инициативе фаворита императрицы герцога Бирона Тайная канцелярия занялась кабинет-министром. Изъятые Ушаковым черновики документов свидетельствовали о намерении кабинет-министра ограничить самодержавную власть. Поднятые на дыбу единомышленники Волынского приписали ему замыслы узурпировать трон, хотя, скорее всего, планы кабинет-министра не шли дальше борьбы с герцогом Бираном. Биограф Волынского писал: «23 мая (1740 г.) Волынского подвергли в застенке Тайной канцелярии пытке, но и с дыбы он отрицал намерение провозгласить себя государем. Хотя Волынскому дано было только 8 ударов и пытка его продолжалась полчаса, но Ушаков так постарался прикрутить Артемия Петровича, что правая рука у него была вывихнута из плечевой кости, и с тех пор он уже не мог подписывать своих показаний». Перед казнью Волынскому в присутствии Ушакова отрезали язык, чтобы он ничего не смог крикнуть с эшафота.

IV

Жестокие расправы вызывали глухое недовольство населения Тайной канцелярией и вообще всей системой «слова и дела». При императрице Елизавете Петровне политический сыск велся с меньшим размахом, чем при Анне Иоанновне. 21 февраля 1762 г. Петр III, вступивший на престол после Елизаветы Петровны, опубликовал манифест об уничтожении Тайной канцелярии. В нем подчеркивалось, что Петр Великий учредил Тайную канцелярию в связи с особыми обстоятельствами и неисправными в народе нравами; с тех пор обстоятельства изменились, и надобность в канцелярии отпала. Императорский указ провозглашал: «Тайная розыскных дел канцелярия уничтожается отныне навсегда», а «ненавистное выражение, а именно слово и дело, не долженствует отныне значить ничего».

Высказываются различные предположения о побудительных мотивах Петра III. Некоторые исследователи полагали, считая императора человеком недалеким, что эта мысль пришла ему в голову под влиянием высокообразованного канцлера М.И. Воронцова. Возможно, однако, что Тайная канцелярия вызвала недовольство Петра III (известного своим преклонением перед прусскими порядками) тем, что в 1762 г. вела следствие о немецком шпионаже в русской армии. Так или иначе, но эту меру одобряли и люди, скептически относившиеся к новому императору. Автор известных воспоминаний А.Т. Болотов писал: «Превеликое удовольствие учинено было и сим всем россиянам, и все они благословляли его за сие дело».

Но фактически ведомство политического сыска было не ликвидировано, а видоизменено. Еще до опубликования своего манифеста об уничтожении Тайной канцелярии Петр III выразил пожелание создать Тайную экспедицию при Сенате. Характерно, что Екатерина II (1762–1796 гг.), охотно толковавшая при подготовке дворцового переворота о безумных поступках своего супруга, подтвердила ряд решений Петра III после его низложения и насильственной смерти. В октябре 1762 г. она почти дословно повторила манифест о ликвидации Тайной канцелярии и тут же создала Тайную экспедицию.

В принципе, передача дел о государственных преступлениях одному из подразделений Сената могла бы ввести политический розыск в рамки законности. Но просвещенный абсолютизм Екатерины II не заходил так далеко, чтобы упустить контроль над этой важнейшей отраслью.

Тайная экспедиция почти не зависела от Сената. В нее в полном составе перешли все чиновники упраздненной Тай-

ной канцелярии. Сама экспедиция размещалась в Петропавловской крепости, а ее московская контора — на Лубянке. Возглавил Тайную экспедицию Степан Иванович Шешковский. Ему довелось дышать воздухом застенка буквально с детства. Отец Шешковского, мелкий чиновник, пристроил 11-летнего сына писцом в московскую контору Тайной канцелярии. Потом Шешковский служил в других учреждениях, но в конце концов вернулся в Тайную канцелярию — на сей раз в Петербурге. При Шувалове он был секретарем канцелярии, а в экспедиции дослужился до чина тайного советника. Подобную карьеру, учитывая его недворянское происхождение, можно объяснить только особыми заслугами. Недаром Екатерина II питала огромное доверие к начальнику Тайной экспедиции.

В царствование Екатерины II продолжалась практика создания временных следственных комиссий. Они расследовали особо важные дела, например попытку подпоручика В.Я. Мировича освободить из Шлиссельбургской крепости Иоанна Антоновича. Двадцатичетырехлетний секретный узник, который провел в одиночном заключении 23 года, так и не узнал ни о своем настоящем имени, ни об императорском титуле. Офицеры охраны, действуя в соответствии с тайными инструкциями, убили бывшего императора. Мирович был предан суду и казнен.

Обстоятельства чумного бунта в Москве в 1771 г. расследовал фаворит императрицы граф Г.Г. Орлов. В 1775 г. для расправы с участниками крестьянского движения под предводительством Емельяна Пугачева были созданы две комиссии, подчиненные генералу П.С. Потемкину. Этим комиссиям оказывали помощь специалисты из Тайной экспедиции. Екатерина II писала Потемкину: «В Москву теперь я отправляю Шешковского в Тайную экспедицию, который особый дар имеет с простыми людьми и всегда весьма удачно разбирает и до точности доводит труднейшие разбирательства». Шешковский допрашивал предводителя крестьянской войны днем и ночью. Вместе со священником он сопровождал Емельяна Пугачева на казнь. Следует отметить, что императрицу особенно интересовал вопрос, почему бунтовщик выдавал себя за ее покойного мужа Петра III.

Во второй половине XVIII в. Россия постепенно расставалась с пережитками средневековья. При Екатерине II «слово и дело», как и было обещано в манифесте Петра III, утратило всякое значение. Первое время доносчики пытались заменить запрещенное выражение словом «секрет». Но за подобные выкрики строго наказывали. Екатерина II торжественно провозгласила отказ от пыток.

Однако сдвиги в общественном сознании происходили с большим трудом. Об отмене пыток сожалело даже высшее духовенство. Так, членов Верховного суда возмутила беспристрастность Мировича — «примечена в нем окаменелость, человечество превосходящая». Обер-прокурор Синода передал мнение церковных иерархов: «Некоторые из духовенства приговаривают злодея пытать». Императрица защищала свое нововведение, хотя ей самой не всегда удавалось выдержать роль просвещенной монархини. Сохранились рассказы о том, как она приказала Шешковскому увезти с маскарада заядлую сплетницу генеральшу М.Д. Кожину. Начальник Тайной экспедиции должен был «слегка телесно наказать» женщину и доставить ее на бал-маскарад «со всею благопристойностью».

У современников не было ни малейших сомнений в том, что Тайная экспедиция продолжала запрещенные пытки. Шешковский хвалился, что может заставить заговорить любого — достаточно только ударить его палкой по подбородку, чтобы затрещали зубы. Передавали за достоверное, что камера для истязаний увешана иконами, а начальник Тайной экспедиции, отличавшийся набожностью, поет акафист Иисусу, чтобы заглушить стоны истязуемых. Как-то князь Г.А. Потемкин, заметив в толпе придворных Шешковского, спросил его, как он в последнее время кнутобойничает?

Но то, что мог позволить себе фаворит императрицы, было недоступно другим. Одно имя начальника Тайной экспедиции вызывало трепет. Когда А.Н. Радищеву при аресте сказали, что его дело поручено Шешковскому, он упал в обморок.

История следствия и процесса над Радищевым показывает, как тщательно Екатерина II контролировала ведомство политического розыска и насколько тесными были ее контакты с Тайной экспедицией. Все преступление Радищева состояло в том, что он написал книгу «Путешествие из Петербурга в Москву», в которой подверг уничтожающей критике царский деспотизм и крепостные порядки. Успело разойтись всего 32 экземпляра, но один из них попал на стол императрицы.

Екатерине II достаточно было прочитать 30 страниц, чтобы сделать заключение: «Тут рассевание заразы французской; отвращение от начальства...» Книга была издана анонимно, поэтому следствие занялось установлением авторства. Круг подозреваемых сужался, причем Екатерина II проявила незаурядные способности сыщика. В одной из глав книги упоминалось, что анонимному автору довелось получить научные знания. Императрица написала: «Кажется, сие знание в Лейпцихе получено и доводит до подозрения на господ Радищева и

Чалищева, паче же, буде у них заведена типография в дом, как сказывают». В другой главе автор продемонстрировал осведомленность о плутнях торговцев. Екатерина II прокомментировала: «108 страница, знание имеет подробностей купецких обманов, чево у таможни легко приглядеть можно». Действительно, Радищев учился в Лейпцигском университете, заведовал столичной таможней и отпечатал книгу в своей домашней типографии.

Шешковский обращался с арестованным Радищевым, руководствуясь мнением императрицы, которое записал ее секретарь: «Примечания на книгу Радищева посланы к Шешковскому. Сказать изволила, что он бунтовщик хуже Пугачева...» Радищев был морально сломен. Он проклинал свои убеждения и оправдывался, что его книга не имела целью поднять народ на новую пугачевщину, «что народ наш книг не читает, что она написана слогом, для простого народа не внятным». Радищев писал жалобные письма своему мучителю: «Бог вам воздаст, что не лишаете несчастного плачевного удовольствия изьявлять свои мысли». Шешковский пренебрежительно оценивал все новые и новые признания своего подследственного: «В себе иного не содержит, как он описал гнусность своего сочинения, и кое он сам мерзит». Но возможно, искреннее или притворное раскаяние Радищева способствовало тому, что смертный приговор ему был заменен ссылкой в Сибирь.

Жестокая расправа за опубликование книги объяснялась крутым поворотом внутренней политики царизма, вызванным Французской революцией 1789 г. Вслед за судом над Радищевым последовала бессудная расправа над Н.И. Новиковым. Этот журналист и книгоиздатель давно находился на подозрении за острые сатиры в журналах и распространение сочинений французских просветителей. Вызывала беспокойство и принадлежность Новикова к масонским ложам, хотя эти организации существовали легально. Когда Екатерина II доказывала свое право именоваться «философом на троне», Новиков пользовался некоторой свободой действий. Императрица боролась с ним при помощи литературной полемики, жалуюсь, что она, победив турецкую армию, никак не может справиться с отставным поручиком (чин Новикова).

Свержение королевской власти во Франции изменило ситуацию в России. Новикову запретили арендовать типографию и конфисковали его издания. В апреле 1792 г. он был арестован под надуманным предлогом. Следствие над Новиковым вел тот же Шешковский, а Екатерина II столь же внимательно следила за ходом допросов. Ее рукой были составлены вопросные пункты, на которые Новиков должен был отвечать в каземате

Шлиссельбургской крепости. Историки, изучавшие дело Новикова, отмечают, что следствие велось исключительно предвзято: «...из бумаг без всякой системы брались лишь отдельные документы, на них ссылались для обвинения в том или другом преступлении, и по поводу их требовались объяснения с Новикова, но самих бумаг ему зачастую не предъявляли».

Между тем Новиков никогда не скрывал своих взглядов. Когда его обвинили в том, что он завлек в масонскую ложу секретаря московской конторы Тайной экспедиции Кочубеева, Новиков объяснил, что того специально приняли в ложу, думая, что он делает это по приказу начальства для наблюдения за масонами. Тайная экспедиция арестовала нескольких единомышленников Новикова, принадлежавших к ордену розенкрейцеров. Некоторые из арестованных, например студент М.И. Невзоров, оказались крепкими орешками даже для Шешковского. Проходивший по тому же делу И.В. Лопухин писал: «Невзоров был болен и не мог отвечать; да и нечего отвечать было, а Шешковский думал, что он упрямится и таит нечто важное. “Знаешь ли, где ты?” — говорит ему Шешковский. Невзоров: “Не знаю”. Ш[ешковский]: “Как не знаешь, ты в Тайной”. Н[евзоров]: “Я не знаю, что такое Тайная, пожалуй, схватят и в лес завезут в какой-нибудь стан... да скажут, что это Тайная, и допрашивать станут”».

Тайная экспедиция не разбиралась в масонских течениях. Единомышленников Новикова обвиняли в пособничестве Французской революции, хотя розенкрейцеры были последовательными противниками народных выступлений. Впрочем, все масоны остались на свободе. Что же касается самого Новикова, то ему так и не смогли предъявить конкретных обвинений. Тем не менее он пробыл в Шлиссельбургской крепости до смерти Екатерины II.

Павел I (1796–1801 гг.) сделал несколько либеральных жестов. Он освободил Новикова и вождя польских повстанцев Тадеуша Костюшко. Однако его недолгое царствование запомнилось современникам как разгул произвола. В самом начале своего правления он пытался возродить обычай письменных доносов. На стене Зимнего дворца повесили ящик, куда каждый желающий мог положить сообщение для императора. Царь открывал его собственным ключом. Но в конце концов Павлу I пришлось отказаться от этой затеи, так как в ящик бросали ругательные письма и памфлеты против самого императора.

В некоторых мемуарах утверждается, что Павел I возродил методы следствия, характерные для времен Анны Иоан-

новны. Но надо учитывать, что Павел I, подобно своему отцу Петру III, вызвал сильное недовольство дворян. Известны сотни случаев, свидетельствовавших о непредсказуемости и сумасбродстве Павла I, но нет достоверных сведений о применении пыток в его царствование.

Вместе с тем царь сохранил Тайную экспедицию. Ее возглавлял А.С. Макаров, начавший карьеру под покровительством Шешковского и занявший место начальника после его смерти в 1792 г. В Тайной экспедиции содержались узники, оставшиеся от прошлого и даже позапрошлого царствования (один из них находился в заключении еще со времени Елизаветы Петровны). Но какой-либо значительной роли экспедиция уже не играла. Политический розыск находился в руках самого императора и целой череды быстро возвышавшихся и еще быстрее попадавших в немилость царских фаворитов. Ни сам Павел, ни его приближенные не сумели раскрыть заговор, который привел к гибели императора. Более того, военный губернатор столицы П.А. Пален, которому был доверен розыск, на самом деле являлся душой заговора. В ночь с 11 на 12 марта 1801 г. заговорщики убили Павла I в Михайловском замке.

Александр I (1801–1825 гг.) обещал править «по законам и сердцу бабки нашей Екатерины Великой». Через месяц после вступления на престол он повелел навсегда уничтожить Тайную экспедицию. Поскольку этот шаг совпадал с обещанием следовать примеру Екатерины II, создавшей Тайную экспедицию, в царском манифесте подчеркивалось, что великая императрица в свое время уничтожила Тайную канцелярию. Что же касается Тайной экспедиции, то пороки в ее деятельности, как утверждал манифест, проявились именно за последние годы. Упразднение политического розыска и торжественное подтверждение отмены пыток явились первыми шагами на пути либеральных реформ. В начале XIX в. были проведены административные реформы, улучшена система образования. Через некоторое время разрозненным реформам был придан целенаправленный характер. Один из советников царя, М.М. Сперанский, составил «План государственного преобразования», предусматривавший создание выборных законосовещательных органов, разделение властей и т.п.

Однако либеральные настроения в правящих кругах возобладали на короткий период. Самодержавная власть Александра I сохранялась в полном объеме. Вскоре от широко задуманных преобразований не осталось почти ничего. После вторжения и изгнания войск Наполеона в 1812 г. Александр I проводил внутреннюю политику, соответствующую принци-

пам Священного союза. Олицетворением реакционного курса стал генерал А.А. Аракчеев. Но еще в разгар преобразовательной деятельности Александр I убедился, что абсолютизм не может существовать без тайной полиции. В 1805 г. царь, отбывая к русским войскам за границу, говорил, что в сложившихся обстоятельствах необходима «высшая полиция».

В правительственных кругах испробовали различные варианты организации политического сыска. Так, был создан межведомственный Комитет высшей полиции (Комитет 5 сентября 1805 г.), который, впрочем, ничем себя не проявил. 13 января 1807 г. по предложению одного из ближайших друзей царя, Н.Н. Новосильцева, был образован Комитет общей безопасности, который рассматривал дела, ранее входившие в компетенцию Тайной экспедиции. В положении о Комитете общей безопасности подчеркивалось, что «Министерство внутренних дел сообщать будет оному известия, через губернаторов получаемые и открываемые по дирекции почт, о подозрительных переписках».

Министерство внутренних дел, созданное в 1802 г., находилось в непосредственном контакте с Комитетом общей безопасности. Но в 1810 г. было создано Министерство полиции, которому перешли дела о государственных преступлениях. Особенная канцелярия Министерства полиции осуществляла надзор за иностранцами в России и российскими подданными за границей, а также занималась цензурой. Министром полиции был назначен Александр Дмитриевич Балашов. Он хорошо знал полицейское дело, так как занимал до этого должности московского и петербургского обер-полицмейстеров. Правителем Особенной канцелярии стал Я.И. де Санглен, служивший в Адресной конторе, где регистрировались иностранцы.

Министр и правитель канцелярии оказались в сердце интриги против Сперанского. Консерваторы обвиняли инициатора реформ в измене и тайных связях с Наполеоном и поляками. Александр I прекрасно понимал лживость этих обвинений, но был вынужден пожертвовать своим главным советником. По приказу царя Балашов и де Санглен взяли Сперанского под стражу. Статс-секретарь был отправлен в ссылку. Но и участники интриги не дождались благодарности. Балашов, номинально оставаясь на своем посту, был отстранен от управления Министерством полиции. Вместо де Санглена правителем Особенной канцелярии назначили статского советника М.Я. фон Фока. В 1819 г. Министерство полиции было слито с Министерством внутренних дел. Особенная канцелярия также перешла в это ведомство.

Помимо перечисленных учреждений политическим розыском занималась Экспедиция тайной полиции при петербургском генерал-губернаторе. Свою агентуру имел Аракчеев. После восстания Семеновского полка командир гвардейского корпуса князь Васильчиков составил проект устройства полиции, которая «должна быть так учреждена, чтоб и самое существование ее покрыто было непроницаемою тайной». В январе 1821 г. Александр I одобрил этот проект. Начальником секретной полиции при гвардейском корпусе стал некто Грибовский. Впоследствии такая же полиция была учреждена во 2-й армии на Украине.

Таким образом, органы политического сыска в первой четверти XIX в. сохранялись, но они были децентрализованы и действовали параллельно. Возможно, Александр I стремился ослабить влияние тайной полиции, разделив ее на несколько конкурирующих подразделений. Может быть, он считал, что несколько подразделений будут действовать успешнее, чем одно централизованное учреждение. Надо признать, что если замыслы Александра I заключались именно в этом, то они потерпели полное фиаско. Ведь органы политического сыска проглядели подготовку восстания декабристов.

Эта подготовка шла несколько лет. Декабристы принадлежали к дворянскому сословию, зачастую к самым аристократическим фамилиям. Большинство из них были гвардейскими или армейскими офицерами. Из заграничного похода 1813–1814 гг. декабристы вынесли убеждение в необходимости ограничить самодержавную власть. Декабристы создали ряд тайных обществ: «Союз спасения», «Союз благоденствия». Непосредственно перед открытым выступлением действовали «Северное общество» и «Южное общество» декабристов. Два основных программных документа декабристов — «Русскую Правду» П.И. Пестеля и «Конституцию» Н.М. Муравьева — при всем их отличии объединяло требование ввести конституционное правление, отменить сословные привилегии и освободить крепостных крестьян.

Александр I получил некоторые сведения о тайных обществах, но по не выясненным до конца мотивам не придал им значения. Неожиданная смерть царя вдали от столицы и последовавшая за этим путаница в престолонаследии подтолкнули декабристов на выступление 14 декабря 1825 г., которое было подавлено правительственными войсками. Восстание декабристов наложило сильный отпечаток на внутреннюю политику следующих десятилетий. Страх перед подобными выступлениями способствовал ужесточению контроля над общественной жизнью.

ГЛАВА 2. ТРЕТЬЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Третье отделение Собственной его императорского величества канцелярии было задумано как «высшая полиция» и в отличие от прежних органов политического розыска имело разветвленную местную сеть в виде жандармских подразделений. Странное сочетание гражданского учреждения с воензированной организацией просуществовало под одним названием 55 лет — дольше, чем какой-либо из органов тайной полиции в России. Отдельному корпусу жандармов была суждена еще более протаянная жизнь — 91 год. За этот срок Третье отделение пережило два значительно различавшихся между собой периода.

Николай I (1825–1855 гг.) придавал Третьему отделению особое значение, исходя из своего понимания роли монарха как главы огромного патриархального семейства, нуждающегося в неустанном отеческом попечении. В его представлении чиновники Третьего отделения и жандармские офицеры были доверенными лицами царя, при помощи которых он видел и слышал нужду и жалобы младших членов семейства. Однако тем из российских подданных, для которых постоянный надзор становился невыносимым, Третье отделение представлялось чудовищным символом военно-полицейского государства.

В царствование Александра II (1855–1881 гг.) влияние Третьего отделения постепенно падает. Тайной полиции приходилось на ходу перестраивать свою деятельность в условиях либеральных реформ 60–70-х годов. Новому поколению жандармов пришлось столкнуться с проблемами, которые не возникали в предыдущее царствование, — с широким обсуждением условий освобождения крепостных крестьян, реорганизацией административного аппарата, растущим количеством частных газет и журналов. Судебная реформа 1864 г., провозгласившая независимость суда и судебного следствия, заставила тайную полицию пересмотреть методы и способы своей работы.

I

Николая I, который пережил военный мятеж в первые же часы своего царствования, не надо было убеждать в необходимости реорганизации политического розыска. Внимание императора привлек двухстраничный проект генерал-лейтенанта Александра Христофоровича Бенкендорфа об устройстве «высшей полиции».

Биография автора этого проекта во многом совпадала с жизненным путем декабристов. Он был потомственным военным, начавшим службу в 15-летнем возрасте и прошедшим наполеоновские войны от сражения при Прейсиш-Эйлау до «битвы народов» под Лейпцигом. Бенкендорф состоял в масонской ложе, где его «братьями» были философ П.Я. Чаадаев, поэт А.С. Грибоедов и будущий декабрист П.И. Пестель. Он поддерживал дружеские отношения со многими декабристами, но никогда не разделял их взглядов. Как большинству выходцев из остзейских немецких семей, Бенкендорфу была уготована успешная карьера. Он доказал, что русские цари недаром видели в остзейских дворянах наиболее верных слуг престола. Бенкендорф был одним из немногих приближенных Александра I, предупреждавших его о существовании тайных обществ.

В 1821 г. он представил царю записку, в которой раскрывал программу и структуру «Союза благоденствия». Эта организация была уже распущена, но Бенкендорф проникательно замечал: «Весьма вероятно, что они желают лишь освободиться от излишнего числа с малым разбором на вербованных членов, коим неосторожно открыли все, составить скрытнейшее общество и действовать под завесою безопаснее». На его проникательность указывал и общий вывод записки: «Буйные головы обманулись бы в бессмысленной надежде на всеобщее содействие».

Вместе с другими генералами, присягнувшими Николаю I, военный губернатор Васильевского острова разрушил надежды восставших. Понятно, что мнение Бенкендорфа было ценным для царя.

В своем проекте об устройстве «высшей полиции» Бенкендорф писал: «Для того чтобы полиция была хороша и обнимала все пункты империи, необходимо, чтобы она подчинялась строгой централизации, чтобы ее боялись и уважали и чтобы уважение это было внушено нравственными качествами ее главного начальника». Николай I в свою очередь считал, что автор проекта идеально подходит по своим нравственным качествам для поста начальника политической полиции. Он согласился со всеми предложениями Бенкендорфа, за исключением одного пункта. В проекте говорилось о создании министерства полиции. Император отверг эту мысль, может быть, потому, что А.Д. Балашов и его ведомство оставили о себе плохие воспоминания.

Но главная причина состояла в том, что Николай I желал взять лично на себя управление огромной империей. Во вре-

мя его царствования упало значение государственных органов. Первым шагом стало расширение Собственной его императорского величества канцелярии. Прообразом этого учреждения в XVII в. был уже упоминавшийся Приказ тайных дел, а в XVIII в. — Кабинет его величества. В начале XIX в. императорская канцелярия уже фактически существовала, но под своим официальным названием она появилась во время Отечественной войны 1812 г. Канцелярией управлял всесильный генерал А.А. Аракчеев. Один из чиновников вспоминал: «Помаленьку начал граф Аракчеев все прибирать к себе, отвечая, однако, всякому, что он никакой отдельной части не имеет и займется одним поселением войск».

Сразу после восшествия на престол Николай I сообщил Аракчееву, что отныне он сам будет управлять канцелярией и увольняет генерала от этой должности. Возросшее значение императорской канцелярии привело к усложнению ее структуры. В 1826 г. она была разделена на три отделения.

Прежняя канцелярия превратилась в Первое отделение. Два других отделения по замыслу Николая I должны были дополнять друг друга. Второе отделение, которое фактически возглавил М.М. Сперанский, занялось кодификацией законов. Третье отделение, главным начальником которого 3 июля 1826 г. был назначен Бенкендорф, призвано было следить за неуклонным выполнением законов.

Третье отделение создавалось не на пустом месте. Его костяк составили чиновники Особенной канцелярии Министерства внутренних дел, перешедшие на новую службу вместе со своим заведующим М.Я. фон Фоком. Он стал правой рукой Бенкендорфа. Третье отделение делилось на 4 экспедиции. В 1842 г. была создана 5-я экспедиция, занимавшаяся театральной цензурой (впоследствии функции этой экспедиции расширились, и она стала называться Газетной частью). Штаты Третьего отделения были сравнительно небольшими и росли очень медленно. В первый год существования Третьего отделения в нем служили 16 чиновников, в последний год — 72 (вместе со сверхштатными и вольнонаемными). А за тридцатилетнее царствование Николая I численность Третьего отделения не превышала 30 человек. Хотя служба в этом учреждении считалась очень ответственной, чиновники получали жалованье ниже, чем в других отделениях. Практически не было продвижения и по служебной лестнице. До 1838 г. Третье отделение размещалось на углу набережной Мойки и Гороховой улицы, а затем переехало в дом 16 у Цепного моста, на углу Пантелеймоновской и Фонтанки.

Создание Третьего отделения означало восстановление принципа централизации. Но реорганизация политического розыска шла дальше простого возвращения к опыту Тайной канцелярии. Коренное отличие Третьего отделения от предшествующих учреждений заключалось в том, что в помощь ему были созданы местные органы политического розыска. Раньше всем этим (в числе прочих дел) занималась местная военная или гражданская администрация. Теперь же наметилась дальнейшая специализация. Задачи политического розыска были возложены на жандармов.

Слово «жандармерия» прижилось в русском языке в качестве синонима тайной политической полиции. Но в первое время оно не имело негативного оттенка. Жандармы были ровесниками Французской революции и наполеоновских войн. Впервые они появились во Франции в 1791 г., а через год это новшество было воспринято в России. В гатчинских войсках Павла, тогда еще наследника престола, была учреждена воинская команда, называвшаяся то жандармским, то кирасирским полком. В 1796 г. эта часть была включена в лейб-гвардии Конный полк.

Название «жандармы» вновь появилось в русской армии во время Заграничного похода. В июле 1815 г., сообщает официальная история Министерства внутренних дел, «главнокомандующий Барклай-де-Толли предписал избрать каждому кавалерийскому полку по одному благонадежному офицеру и по пять рядовых, на коих возложить наблюдение за порядком на бивуаках и кантонир-квартирах, отвод раненых во время сражений на перевязочные пункты, поимку мародеров и т.п.»

С тех пор жандармы существовали постоянно, хотя их организация претерпела изменения. Еще в Заграничном походе отдельные жандармские команды, находившиеся в распоряжении корпусных командиров, были уничтожены. Полицейская служба при войсках была возложена на Борисоглебский драгунский полк, переименованный в жандармский. Другим источником пополнения жандармов стал корпус внутренней стражи, созданный в 1810 г. для обучения рекрутов и содействия гражданским властям при поимке разбойников, подавления неповиновения, сбора недоимок и т.п. Корпус был раздроблен на полицейские драгунские команды, подчинявшиеся губернаторам. В 1817 г. в составе корпуса были сформированы жандармские части, распределенные по столицам, губернским городам, портам. Всего к 1826 г. насчитывалось около 60 жандармских подразделений.

На эти части и подразделения, представлявшие собой уже готовую разветвленную сеть, обратил внимание Бенкендорф.

В своем проекте он предлагал подчинить эти силы начальнику «высшей полиции». «К этому начальнику, — писал Бенкендорф, подразумевая самого себя, — стекались бы сведения от всех жандармов, рассеянных во всех городах России и во всех частях войск». Николаю I, военному до мозга костей, импонировал двойной, военно-полицейский характер жандармов. С его точки зрения, «высшая полиция» должна была состоять не из гражданских чиновников, а из офицеров.

Почти одновременно с назначением главным начальником Третьего отделения Бенкендорф был сделан шефом жандармов. Но превращение жандармов в тайную полицию произошло не сразу. На первых порах должность шефа жандармов имела скорее почетное, чем реальное значение. Жандармы оставались в прежнем подчинении, а Бенкендорф играл роль инспектора. В апреле 1827 г. был принят царский указ о создании корпуса жандармов (впоследствии он стал именоваться Отдельным корпусом жандармов). Но только в 1836 г. жандармские команды были окончательно выведены из состава внутренней стражи. Борисоглебский полк был передан Бенкендорфу в 1842 г., а некоторые жандармские команды навсегда остались в гвардии. В течение длительного периода единственным связующим звеном между группой чиновников на Фонтанке и жандармскими частями по всей России был сам Бенкендорф, совмещавший две должности. Но постепенно эта связь становилась все более прочной. Жандармские части превратились в исполнительные органы Третьего отделения. Впрочем, само Третье отделение в известной степени было поглощено жандармерией. Первые управляющие Третьим отделением — М.Я. фон Фок (1826–1831 гг.) и А.Н. Мордвинов (1831–1839 гг.) — были гражданскими чиновниками. В 1839 г. пост управляющего был совмещен с должностью начальника штаба жандармов.

За годы своего существования корпус жандармов пережил несколько реорганизаций. В Петербурге размещалось управление, а с 1835 г. — штаб корпуса. Территория России была разделена на жандармские округа. Вначале их было пять (по 8–11 губерний в каждом), потом были добавлены Варшавский, Сибирский, Кавказский округа. Каждый округ возглавлял жандармский генерал, руководивший при помощи собственной канцелярии, называвшейся окружным дежурством. Впоследствии появились управления округов. Округ делился на несколько отделений, которыми управляли жандармские штаб-офицеры. В дальнейшем структура еще более усложнилась. Штаб-офицеров начали назначать в каждую губернию.

Появились управления не только округов, но и отделений. Когда Россия покрылась сетью железных дорог, на главных магистралях были созданы полицейские управления из жандармских офицеров.

В первый год своего существования корпус жандармов состоял из 4278 человек. В 1880 г. в нем служили 6808 человек. Большинство жандармов были рядовыми или унтер-офицерами. Например, в 1827 г. в корпусе состояли 3 генерала, 41 штаб-офицер, 160 обер-офицеров, 3617 нижних чинов, 457 нестроевых.

Николай I и Бенкендорф постарались создать элитарное соединение. В корпус отбирались наиболее развитые и грамотные солдаты из других родов войск. Еще более строгим был отбор офицеров. В жандармы не принимались военные до 25-летнего возраста. Национальных ограничений не существовало. Однако полякам требовалось пройти дополнительную проверку. В жандармы можно было попасть, только имея отличные рекомендации или сильную протекцию. Впоследствии было признано необходимым ввести курс обучения для кандидатов в жандармы. Они сдавали экзамены и проходили испытательный срок. При вступлении в корпус жандармы давали подписку о непринадлежности к тайным обществам.

Следует отметить, что желающих надеть голубой мундир (форма жандармов) всегда было больше, чем вакансий. Например, в 1871 г. прошения о переводе в жандармский корпус подали 142 армейских офицера. Из них был отобран 21 человек, а к занятиям допустили всего шесть. Жандармская служба являлась притягательной по нескольким причинам. Николай I поддерживал мнение о жандармских офицерах как о своих доверенных лицах. Офицеры в голубых мундирах были свободны от армейской рутины. В провинциальных городах они занимали независимое положение, подчиняясь только далекому начальнику округа и еще более далекому шефу жандармов.

Наконец, жандармам выплачивали большое жалованье. Во всяком случае, в воспоминаниях жандармов эта причина поступления в корпус играла едва ли не решающую роль. Например, моряка Э.И. Стогова после 20-летней службы на флоте одолели мрачные мысли: «Во флоте я разочаровался: упадок общего духа, бедность товарищей поразили меня — какая будущность? Я долго думал и решил искать другой службы. Тогда самое большое содержание было, как в новом учреждении, в корпусе жандармов, но без протекции как попасть туда?» Все же Стогов нашел протекцию у родственников А.Х. Бенкендорфа и перешел в его ведомство с флота, отказавшись от назначения капитаном фрегата.